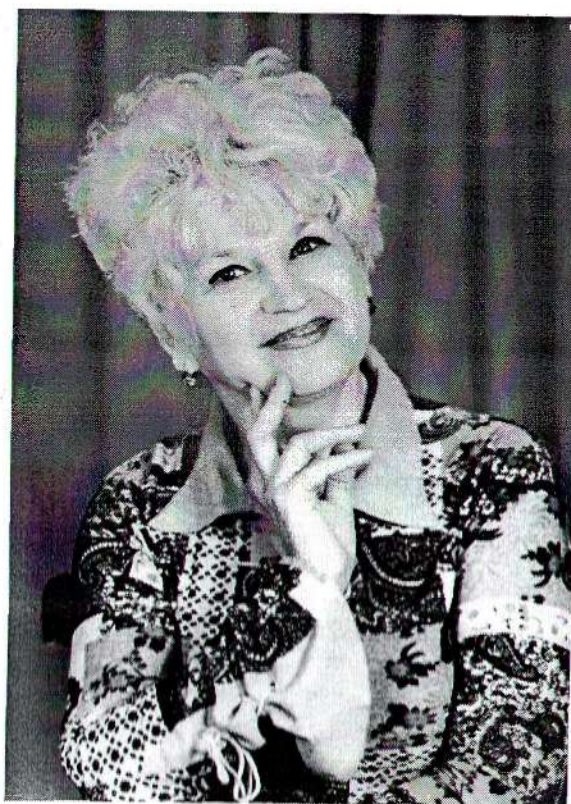

Тамара Пушкина

***Встревоженный
рай***

*г. Волгодонск
2004г.*

Тамару Пушкину в наш творческий союз профессиональных литераторов привел сам Господь. Она, буквально, ворвалась в наш мир со своими искрящимися, как шампанское в бокале, стихами. И мы её приняли в свою литературную семью, я дал ей путёвку в большую поэзию и способствовал её вступлению в нашу областную организацию Российского союза профессиональных литераторов.

Отрадно видеть и осознавать, что Тамара постоянно работает над собой, изучая мировую поэзию. Она не замыкается только в стихах, но пишет также удивительные миниатюры в прозе.

В добрый путь, Тамара! Свершений тебе и новых открытий на пути к Богу!

Почётный гражданин
г.Волгодонска,
член СХ России,
член РСШЛ
А.Л.Неумывакин

Встревоженный рай

Люблю я серебро твоих висков
И каждую родную мне морщинку,
Ревную, когда гредишь среди снов
И слезы пью, как из цветка росинки.

А встречу подарила нам судьба,
Как всплеск волны и как цветенье мая,
И мы с тобою, радости полны,
Идем тропой встревоженного рая.

Я к вам приду, как дождик
долгожданный!

Прольюсь я нежностью в сердцах.
Я не мираж, ни сон обманной,
А страсть на жаждущих губах!

Сгораю, любя

С плеч сниму печаль свою, словно шаль.
В сердце гордость пусть живет, мне не жаль.
Ярким яхонтом проснусь для любви,
Поцелуем обожгу, подойди!

Припев:

Ой Ромалы, Ромале, где гитары звон?
Кубком красного вина прогоню грусть вон.

Буду нынче разжигать я костры
В пляске буйной закружусь, посмотри!
Разгорается душа, кровь кипит,
Пусть огонь мою любовь возродит.

Припев:

Ой, Ромалы, Ромале, где гитары звон?
Кубком красного вина прогоню грусть вон.

Пламя жарко полыхнет: я люблю,
Красный жемчуг пред тобой расстелю.
Черный локон задрожит на плечах,
Пляшет гордая любовь на углях.

Припев:

Ой, Ромалы, Ромале, где гитары звон?
Кубком красного вина прогоню грусть вон.

Если любишь, люби!

Уходи, уходи, не хочу я страдать.
Лучше вольною быть, чем в любви
 умирать,
Жгучим сердцем тебя не хочу
 ревновать,
На тебя мне глядеть, словно
 ветер искать!

Припев:

Ах, еще не закат, я еще хороша,
Златом осени пышным тебя обожгла.
Не печалься, мой свет, отпущу,
 отпущу.
Без страданий и бед мы
 задуем свечу!

Если любишь, люби - я одна для тебя,
Буду солнцем на небе и радугой сна.
Будешь морем, я - чайкой лететь
 над волной,
Будем в всплеске волны
 целоваться с тобой.

Припев:

Ах, еще не закат, я еще хороша,
Златом осени пышным тебя обожгла.
Не печалься, мой свет, отпущу,
 отпущу.
Без страданий и бед мы
 задуем свечу!

Говоришь, что моря для тебя
 глубоки,
Что любить, словно жить,
Эти мысли легки.
Отчего ж, когда, милый,
 целую тебя,
Твое сердце, как птица летит
 в небеса!

Припев:

Ах, еще не закат, я еще хороша,
Златом осени пышным тебя обожгла.
Не печалься, мой свет, отпущу
 отпущу.
Без страданий и бел
 задуем свечу!
Ах, еще не закат...

Весна

Призывный дух земли цветущей
Восторгом всколыхнул мне кровь!
И чувств водоворот поющий,
Волнует, будоражит вновь!

Любви всесильное влечение
Не в силах нежность превозмочь,
И в птичьем пенье до забвенья,
Весна танцует - солнца дочь!

Голубь

А.Лемешеву

Мне на плечо, как ангел сам,
Прекрасный голубь опускался,
Невольно взгляд мой к небесам,
Под трепет крыл его поднялся.

А может быть душа твоя
Ко мне без страха устремилась,
И, птичий облик обретя,
Целуя сердце мне - простилась.

Взгляд и вечность

Моим друзьям поэтам

Как драгоценны наши встречи!
Твой взгляд в мой взгляд,
И уплывает миг сей в вечность,
Где свет, любовь и бесконечность..!

Для Апполона девять муз
Поют под дивную кифару.
Под шум берез струится блюз
С божественной Эратой в паре.

Твой свет я трепетно ласкаю.
Мне росы серебрят слова.
В янтарном зареве нагая
Богам любви молилась я!

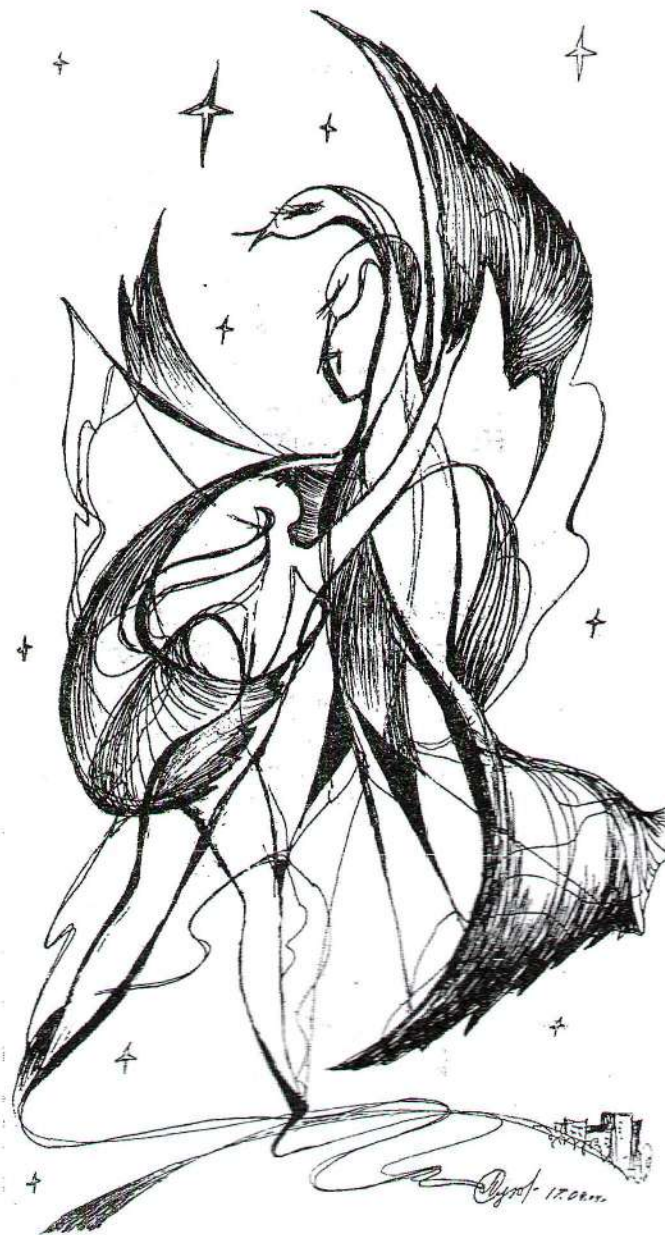

Крылатый вальс

Ах, журавли, потанцуйте со мной!
Быть я хочу окрыленной!
С птицей кружиться небесно-земной
Бог дал добро лишь влюблённой!

Я влюблена! Ты не бойся меня,
Друг мой, тебя не обижу.
Видишь - пришла я, как нежность огня,
Грубость и злость ненавижу.

Крылья журавушки в руки возьму,
Ветер степной нас целует,
Взмахи едины - и крыльев, и рук.
Женщина с птицей танцует.

Осень

Охмелевшая Осень смеётся:
- «Что ты делаешь, ветер-борей?
Раздеваешь меня принародно,
Наготою любуюсь моей.
Растрепав мои рыжие кудри,
Ты ласкаешь дождём по плечу.
И, сорвав изумрудное платье,
Наряжаешь в золотую парчу!»

Внуку Владике

Ты искорка - мой огонёк!
Вспышка радости, мой внучок!
Поющий звонкий родничок,
И ветра вьющийся волчок!
Живи, мой милый, расцветай.
Гори любя, но не сгорай.
Пылай, мой аленький цветок,
Как яркий солнечный поток!

Русь моя

Ах ты, Ладушко - свято-душенька
Ты небесно, велико солнышко.
Ах ты, Русь моя, изначальная,
Ты души моей - песнь венчальная.
Извелася я кручинушкой,
Чёрной смертушкой грусть всё
кружится

А сердечко непокорное
С песней звонкою да не дружится.
Отчего же мне так тоскуется?
Ох ты, Русь моя, чудо дивное!
Голосами предков - русичей,
Гордой вольностью взгляд любится.
Ах ты, Русь моя, изначальная,
Ты души моей - песнь венчальная!

Несущиеся ломанные мысли,
Рисующие тысячу картин.
Сверкнувшие по нервам, звёзды свистли,
Просвечивая скользкий шёлк гардин!
Вот бледный луч, как утомлённый странник,
Он из окна упал мне на ладонь.
Луны холодной старенький посланник
Считает пульс. О, ночь! Его не тронь!

Сербиянка

Сербиянка озорная!
Бисер сыплет взгляд.
Где судьба моя шальная?
Кинь все карты в ряд.

Заплела ты звезды в косы,
Дразнишь лунный свет.
Собираешь в чашу росы,
Ворожишь ответ!

Шаль ползет с плеча цветная,
Мне волнует кровь!
Я узнал тебя родная,
Ты, моя любовь!

И разыграли души страстью
Полыхнув в сердца,
А в глазах играет счастье
Божьего венца!

Вино любви я пью из роз,
И растворяюсь в поцелуе,
Душа во власти феи грёз,
Блаженство в сердце- Аллилуйя!

Хмельною нежностью тебя
Я до забвенья очарую,
Желанна буду только я,
Забудешь все и ту, другую!

С 8 Марта

Восьмерка - восемь поцелуев
И восемь восхищенных глаз,
Я, восемь неудач минуя,
С ума сведу мужчин сто раз!

Сегодня, ох, как тяжело,
Мне белый свет - чернее ночи,
На душу глыбою легла
Вся тяжесть жизни - нету мочи.
Смерзается душа моя,
А мне бы в милые края
И рвется птицею из клетки,
Отдать слезу родимой ветке.

Горю, как вечно юная любовь!
Во мне негаснущий, поющий пламень -
Зовущий, вольный стих мой без оков,
Не смеет тронуть бессердечный камень!

Моя судьба

Кто коня судьбы встревожил?
Гривой он трясет.
Кто посмел его стреножить?
Ночь копытом бьет.

Я тебя, мой свет игривый,
Волей угощу.
На свободу нрав ретивый
Твой я отпущу.

Не посмеет злая доля
Обуздать тебя.
Ты ж буянным ветром в поле
Унеси меня!

Вороной

Что сравнить с полетом
вороного?
С гривой, как взлохмаченная
ночь!
Воля лишь подруга для такого!
Взвившись на дыбы, он мчится
прочь!

Я так же непокорной буду!

Коль жизнь швырнет меня с седла,
Я так же непокорной буду!
Еще сильнее, семь будет - я!
Урок судьбы я не забуду!

Мой стих о Родине поет
Её слезами горько плачет,
А звон колоколов летит
Тех храмов, где грехи все прячут.

Богатству кошелька - почет,
Дверей закрытых он не знает,
А бедность - в избах свечи жжет,
До урожая дни считает.

Молитвы стон людской летит,
Спасенье свыше призывая,
Земля же выюгой голосит,
Дождями слезы проливает.

Да никогда я не поверю

Да никогда я не поверю,
Что не любишь!
Коль загораясь от взгляда
Одного!
А пламенность ночей тех
Не забудешь!
И поцелуя колдовского
Моего!
Стократно изменяй с другою,
Ты изменяешь только лишь себе.
Всегда меня ты видишь пред
Собою,
Желанным сном я вновь иду к тебе!

Пушкину А. С.

Волнуюсь, каждый раз волнуюсь,
Я снова строк его коснусь!
Со звуком мысленно целуюсь,
Очарованием упыюсь!

К тебе, к тебе, поэт, мой дивный,
Я на свидание спешу.
Ловлю я трепетность мгновений
И в созерцание вхожу.

Только ты

Дочери Оксане

Среди ночи ты ветром
ворвешься в окно.
Околдуешь дурманящим маем.
Это ты, сумасшедшее чудо моё.
Ты всегда между адом и раем.

Припев:

Только ты, только ты
Приходишь во сне
И другой я судьбы не желаю.
Непокорный твой взгляд
Обжигает во тьме,
«Береги, не предай», - умоляю.

Подарю я тебе храм из белых
берез
С изумрудно - шумящей листвою.
Расстелю я ковры из диковинных
роз,
Это ложе для нас лишь с тобою.

Припев:

Ты желанна всегда, такая
как есть,
Моя дикая, нежная
прелесть.
С журавлиною стаей
летишь ты с небес
И спасибо богам, что на
свете ты есть.

Припев:

Я приду

Через тысячу, тысячу лет
Я приду и скажу, что люблю!
Это небо, луну и рассвет.
И тебя у небес отмолю.

Изопьем этот солнечный свет,
Утолим и капризницу-ночь
Ты молчи, мне не нужен ответ.
Все прошу, и разлуки все прочь.

Через тысячу, тысячу лет
Я приду и скажу, что люблю!
И неважно, каким будет век,
Я как прежде безумно люблю!

О прелесть, чудная заря,
Испей рассвета наслажденья!
Венцом сверкающим не зря
Ты полонишь мир вдохновенья!

Полет, ты мой смычок души!
Пьянённый струнами любви
Дослезно звуки хороши,
А страсть смеётся - позови!

И миллионам глаз прохожих
Любимых - нет! Не заменить!
На нежность ангела похожих,
Небесный свет их не забыть!

Постой! Ведь так легко уйти!
Уйти совсем и не вернуться,
И от себя с ума сойти...
Так может стоит оглянуться.

Согрета я улыбкою твоею,
В лазурный омут глаз
твоих плыву,
Ты стал судьбой и нежностью
моею
Сольются наши души
на яву.

Жизнь без тебя

И каждый день, что без тебя –
Мне тяжкое страданье,
Не отпускаю я, любя,
Молитв моих созданье.

О Боги, как же я люблю,
Не для меня прощанья.
И ночь - подруженьку молю:
«Даруй хоть час свиданья!»

А если крикнешь мне: «Прощай»,
Не только – «до свиданья»
Возьму я в посох всю печаль,
Найду, где нет страданья.

Давай с тобою помолчим

Ржановской Е.

Я так хотела сильной быть,
Святым огнем в любви гореть,
В мечту с тобой в ладье уплыть,
И сердцем жизнь твою согреть.

Давай с тобою помолчим
Как прежде, нежно обними,
Не спрашивая ни о чём,
Без слов меня, мой друг, пойми.

Шимко И.

Что делать, коль фальшивить
не умею
И чувства предавать за звон
монет?
Я сундуков со златом
не имею,
В моей душе бесценной божий
свет!

Обижена моя любовь

Обижена моя любовь
И рвется гнев тигрицей,
А в жгучем сердце плачет кровь
Растерзанной в полете птицы.

Но Боги даровали свет,
В моей душе не гаснут зори,
Слепцу в любви скажу я: «Нет!».
И прыгну вновь русалкой в море.

Замерзаю, родной

Замерзаю, родной, замерзаю
Средь холодных ветров и невзгод,
Где судьбы огонек, я не знаю,
Он угас средь людских непогод.

Все ж озябшую долю согрею,
Ей дыханье души подарю,
В солнце жизни не верить не смею,
Я с надеждою встречу зарю.

Но сегодня, родной, замерзаю,
Об одном я тебя лишь моллю -
Посмотри, как в ночи я мерцаю,
Лебединую песню пою.

Зорюшка

Разнежась, Зорюшка в лазури,
Румянцем радует рассвет,
Ласкает в облаках Амура,
Ей в прелести сравненья нет!

Шла Зорька легкою походкой,
Туманом шлейф упал в траву,
Со стана поясочек тонкий
Скользнул рососою на листву!

А. Неумывакину

О, лики святых! Вы явление в нови!
Творение рук или Господа воли?
Всевышней судьбы светоносный посланник,
Художник, поэт и земли вечный странник.

Сегодня день открытых душ!
Пожалуйста, тела снимите.
Поближе к огоньку прошу,
Как вы прекрасны!.. Посмотрите!

Моим подругам

В. Власовой

Благословен мир озареньем,
Родивший женщину и свет!
Божественным чертам
творенья
В сиянии сравненья нет.
И взгляд, дарящий всепрощенье,
С улыбкой девственной звезды,
Живым огнем он вдохновенно
В сердцах растопит зло и льды!

А. Овсянниковой

Разметалась душа, словно ива,
Переливами страсти маня.
Ты любви сумаспешше-красивой,
Афродита, пошли для меня!

Л. Абрамовой

Я рождена была Вселенной!
Любовь мой разум окрыляет,
А Бог душою вдохновенной
Меня, как дочь, благословляет!

За страсть, пьянящую так кровь
Ты королевство бросишь в ноги,
Твоя всеильная любовь
Из роз мне выстелет дороги.

Мой нежный локон на плечах
Ты взглядом трепетно ласкаешь,
В безудержных своих мечтах
Ты час за вечность принимаешь.

О, дерзновенный, друг ты мой,
Безумием твоим пленяюсь,
Так воспылаем мы с тобой,
В восторженном огне сливаясь!

К твоим устам, так жадно
ждушим
Полночной тайной я прильну,
И янтаре из волн бегущих
В венце любви лучом блесну.

Ветер шалый целует березку,
Белорудую прелесть весны,
Каждой веточке дарит сережку,
Поцелуй его так свежи.

Неумывакину А.

Художник пусть на миг уснет,
Тихонько с полотна сойду.
Двуликою луной взойдет.
Мой ясный свет, я в мир иду.

Один лик с ангелом поет,
Другой в ночи огнем цветет,
А красок дивный хоровод
На кисть художника плывёт.

Я солнцем улыбнусь тебе

Нагбину В.

Я солнцем улыбнусь тебе,
Понежусь ветерком в ресницах.
Узором удивлю в окне,
Зарей промчусь я в колеснице.

Снежинкой лягу на губах
И зацелую в лунном свете,
Метелью закружу, обняв,
Чтоб ты забыл о жарком лете.

И вновь я солнцем улыбнусь,
И нежностью весны вернусь.
В душистый аромат любви,
Как в волны счастья окунусь.

Любовь моя, целую твои слёзы,
Взмывает счастье на предельный пик,
Пусть салютуют вспышками нам грозы,
Я душу корону в этот миг.

В день расставанья подарил
Ты оберег мне ворожебный
Его защитой окрестил,
Но как мне жить? Стал мир враждебный.

Я так хотела закричать:
«О духи предков, помогите!
Где силы мне земные взять?
Какая тьма! Где свет скажите?»

В день расставанья ты казнил
В моей душе свет чистый, нежный,
За все меня благодарил,
Я ж замерзала в вьюге снежной.

То ли сердце твоё отлюбило,
Толь душа отгорела твоя,
Ведь судьба тебе ворожила,
Что приду. Не узнал ты меня.

Волгодонску

В сирени утопает город,
Лишь светятся дазурью окна глаз.
Он – богатырь, силен и молод,
Зелёный чуб встряхнул высокий вяз.

А солнцу, по-особенному в радость,
Лучом нырнуть, да в тополиный пух!
Кружа, упасть в березовую сладость,
Где соловей ласкает песней слух.

Мой город – удивительный романтик!
Он парусником режет гребни волн,
То песнею казачьей растревожит,
То колокольный грянет перезвон.

В слиянии кровей и рек великих
Рождался наш весёлый Волгодон.
А люди в нём прекраснее реликвий,
И, славя их, гордится Тихий Дон!

Ах, как легко парить
Среди стихийных фраз,
Как тяжело тонуть
В болоте мёртвых глаз.

Внезапным жаром твоих губ
Я поцелуй свой возвращаю!
Ловлю твой взгляд, который люб.
И вновь, как прежде, восхищаюсь!

Ты видел, как дышит море?
Как звезды купаются в нём?
Как месяц бывалым помором
Весёлым плывёт кораблем?

А мне сказку шепчут волны
И нежат нагую плоть.
В мечту о счастливой жизни
Бегу я по бликам вод.

Природа – мы все твои дети

Алексеевна встала ранехенько, когда зорька еще ночевала. Поставила самовар на еловых шишках, печь топить не собиралась, так как задумала пораньше сходить в лес по чернику. Под шум самовара призадумалась: что-то беспокойно на душе нынче! Ну да ладно. А вот и чаек поспел! Заварился крепкий, духовитый. Индийский - же! Кусочки сахара наколола щипчиками и не торопливо принялась чаевничать, отдавая каждому глотку напитка особое уважение, а к чаю да еще картофельные налитушки. Уж больно-то хорошо! Подкрепившись, можно и собираться.

Женщина ловко намотала на ноги небольшие портяночки, обула резиновые сапоги и удивительно хорошо повязала платок. С собой взяла кусок черного хлеба, круто посоленный, положила в корзинку. - Ну, с Богом! Пора. Подперев дверь избы жердиной, отправилась в путь. Знакомая тропинка бежала через ромашковое поле и ныряла в ельник. Перед тем, как зайти на лесную просеку, Алексеевна всегда здоровалась: «Здравствуй, батюшка лес!» и, крестясь, шептала молитву. Так положено! Чтобы не блудиться и от всякого обидчика, да Лиха! Перво-наперво, подходила к муравейнику, который был поболее её роста, а в нем уже кипела жизнь, шла своим чередом. Посмотришь, да только руки разведешь! До чего ж все ладно, да все по уму у них! Старушка разломилла хлеб на много маленьких кусочков и положила угощенье этим чудо - труженникам.

Говорят, что они обладают большой силой. И деревенские жители относились к ним с почтением. Лес - живительная

сокровищница нашей Матушки-природы!

Да как же этакой красотой не дорожить! Римма Алексеевна живет в полной гармонии среди этого великого чуда! И сейчас она поторапливалась вдоль болота. Смолистый запах хвои пронизывал каждую клеточку тела. Ягодный дух черники и земляники радовали душу. Среди папоротника красовался вереск. А по краям болота выглядывал багульник-разбойник, дурманя и кружа головы. Повсюду рассыпалась брусничка со своим ярким румянцем. О Господи! Хороша-то как! Если есть на земле рай, то уж точно тут! На Вологодчине ведь - благословенные места!

А этим летом сосновый бор порадовал своим урожаем. Черника уродилась крупная. И у Алексеевны корзинка наполнялась быстро. Её ловкие руки, несмотря на возраст, а ей было уже за семьдесят лет, были еще сильными и пронырливо собирали спелую ягоду. Заря ж, улыбаясь, раздвигала верхушки высоченных берез и щекотала своим светом каждую росинку, ласково заглядывала ей в глаза. И все вокруг наслаждалось теплом нежного рассвета. И вдруг, в одно мгновение, тишину разорвали выстрелы, огласившие весь лес. Идет беда! Да что ж случилось? И тут прямо на просеку из кустарника с шумом вырвалась стая огромных, с взерошенной шерстью волков. Вел их самый крупный, матерый вожак! У него с языка бежала слюна, а взгляд горел злобой. На спине волка сочилась кровь. У Алексеевны ноги отказывались двигаться, да и вряд ли смогла б убежать! Стая окружила старушку. От их рычания холодело все внутри и дрожь бежала по всему телу. И представьте себе, эта маленькая, худенькая женщина, сама от себя не ожидая, спросила, смотря прямо в глаза вожака: «Что, батюшка, устал поди?». И вновь прогремели выстрелы. Это охотники гнали волков.

Матерый резко повернул в сторону, уводя в глушь своё семейство от неминуемой смерти.

Алексеевна стояла на коленях, не переставая молиться, повторяя одно и то же: «Господи, спасибо за спасение!». А голос души творил иную молитву: «Спасибо, раненный лесной друг, за то, что хватило доброты оставить меня в живых». Ведь только представить: с какой злобой на людей встретил он на своей тропе эту женщину. И у него нашлось милосердие её не тронуть! Получается, что в нашей жизни в стае людей встречаются особи пострашнее хищных зверей. И встретиться в неугодный час на их тропе старушка, как знать – чтобы произошло!..

БЕЛЯНА

Я люблю смотреть на огонь. Я им люблюсь, мысленно в него вхожу и вновь вспоминаю, теперь уже давние, картины детства.

Каждое лето в деревню Ниловицы, где жила моя бабушка Павла, приходил цыганский табор. Он располагался на маленьком островке, где и раскидывал свои шатры. А некоторые из цыганских семей останавливались в самой деревушке и жили в избах. Одна из таких семей поселилась в доме моей бабушки. Семья была небольшая: пожилая женщина, муж с женой и ещё двое детей лет по пяти.

Цыгане устраивались на лето работать в колхозе, а осенью уезжали всем табором. Мы жили дружно, было весело, особенно по вечерам, когда собиралась не далеко от нашего дома. Цыгане разжигали костер, усаживались вокруг и пели. Боже, как они пели! Мне тогда было четыре года и я, очарованная их голосами, слушала, не моргая и не отводя глаз. А гитара, на которой играл дядя Миша, мне казалась просто необыкновенной. Она пахла всеми цветами сразу и еще теплым ветром. Струны звучали так, что до сих пор ничего подобного я не слышала. Может это впечатлительное детство? Так или иначе, а помнится до сих пор. А уж когда доходило дело до пляски - тут уж меня уговаривать не приходилось. Пожилая цыганка, ее звали баба Роза, называла меня Беяна, потому что у меня белые волосы. Все хлопали и подбадривали меня: «Ходи, ходи, Беяна, молодец, наших кровей!» Я кружилась среди цыганчат до тех пор, пока не падала на траву и смеялась. А еще подолгу я смотрела на их лошадей. Они были просто чудо! Я любовалась их огромными глазами и мне нравилось, как в них отражались от огня прыгающие чёртики.

Ко мне подошла баба Роза и спросила: «Хочешь верхом покататься?»

- Да! Очень!, но еще больше - боюсь!

Так вот она мне сказала: «Моя девочка, я тебя понимаю. Но запомни, страх - это ужасное чувство. Страх рождает предательство и нерешительность, страх губит и саму жизнь.

Всегда говори себе: «Я - самая сильная, я - самая смелая, я ради дорогого мне человека готова войти в огонь - и не обожгусь, потому что я безумно люблю жизнь и я сильнее смерти!» Ты поняла меня, Беляна?».

Я слушала и, если честно, не очень её понимала. Когда она говорила мне эти слова, то даже молодела и гордо смотрела вдаль.

Лето пролетело быстро. И вот однажды утром цыгане засобирались в путь. Ко мне подошла эта удивительная пожилая цыганка, взяла меня на руки и посадила верхом на лошадь. Я вцепилась изо всех сил в гриву и дрожала всем телом от страха и счастья. - «Ну, как ты, девочка моя, Беляна?». И я, сколько во мне было сил, закричала своим пронзительным детским голоском: - «Я - самая сильная, я - самая смелая и я готова войти даже в огонь! Потому что вас люблю!». Роза сняла меня с лошади и поцеловала.

Они попрощались моей бабушкой Павлой, запрягли лошадей в телегу и отправились в дорогу. Я долго-долго смотрела им вслед и по моим щекам бежали бесконечные солёные ручейки. Я больше их никогда не встречала, но впоследствии, когда я занималась в балетной школе и какой бы танец я не исполняла, мне помогал, навсегда поселившийся в моей душе, цыганский огонь и буйные ветры их кочевых дорог.

Звуки музыки, особенно гитары и скрипки я воспринимаю особым слухом - слухом души и пылающим сердцем,

которое возгорелось должно быть от того костра детства. И летящие звуки из моего далёка по-прежнему волнуют и чаруют. И до сих пор, когда мне бывает очень плохо или меня встречают на жизненном пути предательство, ложь и трусость, или болезни, я себе говорю: «Я - самая сильная, я - самая смелая и ради дорогого мне человека готова войти в огонь - и он меня не тронет, потому, что я безумно люблю жизнь! И я сильнее смерти!»

Когда спят петухи

Улеглась деревенская суета и маленькая деревушка Шиляково погрузилась в ночную тишину, один месяц похозяйски прохаживался между звездами и важно посматривал в темную гладь реки.

Не спалось одному Егорке Маслову, по прозвищу «Масленок». Резко отрезвевший его ум, что бывает редко, не давал ему покоя.

- «Так-так, все спят, аж похрапывают, значит, должно быть, ночь. Еще не утро», - рассуждал Егор. «Что-то мне не по себе, даже не пойму. Если б выпить хотел, это было бы ясно. Так нет же. Не хочу! Не то, чтоб совсем не хочу, а не очень. А может, ну разве что чуть-чуть, рюмашечку». Он пошарил под кроватью и вытащил бутылку. Пуста. Совсем пуста, ну и бес с ней. - «Я сейчас клюквенного морсика, холодненького». Егор нацедил из баллона в кружку морса и жадными глотками выпил. И тут его лицо перекошилось. Он стал похож на гриб сморчок. Сделав выдох, как после рюмашечки, крякнул: «Хо-ро-шо!». И передернулся всем телом, как пес, которого окатили ледяной водой. И затих, прислушиваясь, сам к себе. Вроде бы легче. И все-таки чего-то не хватает. Да..! Если б один стаканчик беленькой, а лучшее два и все! Но где же взять? Ночь на дворе-то. А может в соседнюю деревню махануть к Пелагеевне. У нее-то всегда припрятано. Пелагеевна днем запасалась водочкой в магазинчике, а ночью торговала по договорной цене. Кто дров напилит, может и забор починит. Так, решено! Маслов быстро и решительно обул кирзовые сапоги, натянул замасленную фуфайку и стал обыскивать свои карманы. Вот черт! Ну, ни копейки. Ах, да ладно. Договорюсь, может надобно дровишек подколоть.

Егор вышел во двор и подумал: «Если пойти через поле и деревню - это далековато. А если через лес, по болоту - немного ближе. Побегу напрямки, через болотину». Ему показалось, что насупившиеся сосны ожидали его решения.

Масленок свернул на лесную тропинку и зашагал быстрой походкой. Под ногами трещали еловые шишки, сухие сучки. Мысли в голове не задерживались, их выбивали ветви берез и осин, хлеставшие его по лицу. От этого треска и шума перелуганный филин, спавший на сосновой ветке, заорал охрипшим спросонья голосом. Егор шарахнулся в сторону и, падая на болотные кочки, приговаривал: «Ах ты, дьявол, да чтоб ты сдох. Да чтоб тебе похмелиться никогда не давали. Да ну тебя к лепшему!». И плюнул в сторону, как бы поставил точку. «Ну, зачем так, милый человек!», - донесся до Маслова странный голос из темноты. - «Раз пожаловал в гости, так будь любезен, не ругайся уж так!». Масленок поднялся и у него от страха нос стал двигаться сам по себе, то вправо, то влево, а редкие волосенки бровей — ошетинились. Глазки же буравчиками сверлили темноту. И вот, подкашливая и кряхтя, к нему подошло нечто; да, да, вот именно, нечто. Оно походило на старое сухое дерево, но удивительно: с руками и ногами, а вот голова напоминала пенек. Вместо волос кучерявились зеленые завитушки мха. Нос — в точности еловая шишка, а глаза светились зелеными огоньками. Но успокаивала и ободривала, несомненно, добрейшая улыбка. «Рад представиться: Леший Заболотский — младший». Лесной житель внимательно посмотрел на Егорку, как-то вздрогнул, затопал сучковатыми ногами и закрутился на одном месте, приговаривая: «Чур, меня, Чур, Чур». И вновь посмотрел на Егора и, еле отдышавшись, спросил: - «С каких таких мест будешь-то?».

Маслов пришел в себя и тут ему стало легко от мысли: «Да это же сон! Точно сон!». Осмелевший, он подал руку Лешему и представился: «Маслов Егор Васильевич, с деревни Шиляково, вот как раз с тех мест я и буду. А для друзей просто «Масленок»». Я иду в соседнюю деревню к Пелагеевне, за бутылочкой беленькой. Хороший напиток». Леший слушал и хитроватенько прищурился. Затем, оглядываясь, будто кто-то может подслушать, наклонился и прошептал: «Зачем идти к Пелагеевне, у меня, милый мой, найдется и покрепче напитков! Морошковая настойка да на сосновых иголочках. Хороша чертовка! Ты уж мне поверь». Лешак вытащил из-под кочки берестовый бочонок, ловко скрутил два лопуховых листа стаканчиками и со смачным бульканьем наполнил их хмельным напитком. - «Ну, Васильевич, не побрезгуй, испей нашего зелененького, за знакомство». - «Эх, была, не была», - и Егор залпом выпил зелье. По всему телу растекалась благодать и несказанное удовольствие. «Ну, как?» - спросил сучковатый, занюхивая еловой шишкой. - «Крепка?», - «Да, хороша!» В душе Маслова проснулась такая доброта, что он для нового друга был готов на все! А что заключалось в этом — на все? «Да, конечно же - банька!» - воскликнул Егор, и дружески хлопнул по плечу своего приятеля. - «Так что — идем? «Идем» - ответил тот. - «А бочонок прихватил?» - «Конечно прихватил!» Приятели обнявшись, отправились в путь.

Егорку переполняли удивительные чувства. - «А все-таки хорошо, что мы с тобой встретились!» Немного погодя показалась и банька. Натопленная в обед, она сохранила еще хороший жар. Березовые веники висели рядком.

«В предбанник заходи» - сказал Масленок своему другу. Лешак зашел и присел на скамеечке. «Ох, жарко-то как! Уж больно-то жарко», - бормотал себе под нос он. -

«Ничего, ничего, давай, проходи». Егор полил полок кипятком и предложил своему приятелю: «Давай, милоч, полезай-ка ты, мой дорогой, на полоч, да расслабься. Слышишь, расслабься, чтоб каждый суставчик, каждая жилочка жару взяла! Банька целебна, ох как целебна». Заболотский так и сделал. Забрался и улегся, и, как только смог, расслабился. Масленок по-хозяйски плеснул из кадушки, в которой был настой трав, на горячие камни, лежавшие вокруг печи. Баня наполнилась ароматом всей матушки - земли. Леший разомлел и закрыл зелененькие глазки. - «Сколько веков прожил, ничего подобного не испытывал!» Васильевич же старательно поливал своего дружка горячей водицей и похлестывал распаренным веничком. Приговаривал: «Ну, как, хорошо? Ведь хорошо, ты расслабься». Тот лежал - охал, кряхтел стоном, даже подскуливал от блаженства. «Эй, милый, поднимайся. Теперь окатиться холодком из колодца». Леший поднялся, слез с полка, весь сияющий и счастливый. Напарившись, накупавшись и окатившись, они вышли в предбанник. Егор разлил в граненные стаканы настой из морошки.

«С легким паром, мой лесной корешок! Давай, милоч, пей!» Но тут заорали петухи, да так, будто их резали. - «Ну, что - же вы, паразиты, под руку-то раскудахтались? Не обращай внимания, пей, слышишь! Да где же ты?» От лешего и след простыл. Васильевич в недоумении неумело перекрестился. - «О господи! Да где же он? Да неужто все привиделось? Не может быть! А жаль, как он меня понимал! А доброты-то он был нечеловеческой. Бывает же такое! Нет, надо, наверное, и вправду на морс переходить». Егор поднялся и вышел из бани. А на пороге стоял берестовый бочонок. Масленок присел и задумался. И все-таки жаль...

Погребок

- «Дело было под вечер,» — начал рассказ Трофим. «По случаю предстоящего праздника деревни, который бабы сами придумали отмечать по осени и этим очень гордились, моя жинка Варвара поставила в погребе флягу с брагой. С того дня прошло недели две. И так мне стало на душе не спокойно, экая прелесть рядом под половицами стоит. И так, я дождался, когда моя разлюбезная Варварушка ушла на вечернюю дойку, она ведь на ферме работает, да и шмыг в подполье. А шлангочку тоненькую резиновую я заранее приготовил. Сердце аж заходило от предстоящего удовольствия, даже почувствовал вкус и проглотил подступающую слюну, да вспомнив, что может вернуться жинка, закрыл дверцу погреба. Потирая руки в полумраке, подошел к фляге. Вот ты моя дорогая, вот милая милушка,» — приговаривая, Трофим похлопывал по ней, как по бочине коровушке-кормилице. Как можно беззвучнее открыл крышку, она звякнула как колокол, даже дух перехватило. Фу... Все тихо. Опустив шлангочку в ёмкость, и потянул в себя, закрыв глаза. Как шмель, нашедший ароматный цветок, ввел свой хоботок в сладкий нектар. Свершилось! Желаемый напиток оросил полость рта и язык, который хорошо знал вкус хмельной радости. Да что может быть лучше? Да ничего. Отпив глотков так... неопределенное количество, пришла в голову мысль: «Да здесь, где-то рядом, кадушка с солеными грибочками: груздями и волнушками. Надо найти и подтянуть поближе. Ах, вот она. Трофим подтащил кадушку поближе к фляге. Но тут споткнулся, и неудачно упал, подвернув ногу, но грибочки удержал. Расположившись поудобнее, присел на досточку, вытянув свои длинные и неуклюжие ноги. И здесь он почувствовал острую боль в коленке. - «Видать

больно шибко упал-то я», - подумал Трофим. — «Ну ничего, как на собаке заживет.» Он посмотрел на брагу ласкающими глазами и приступил к трапезе. Он втягивал в себя емкие глотки зелья и закусывал то груздиком, то волнушкой. И все таки, други, скажу я вам, жизнь - хорошая штука. Хмель заполнял все клеточки его тела и души. Трофим даже вспомнил свою любимую песню «Ямщик, не гони лошадей». Какие же слова замечательные в этой песне. Действительно, куда спешить, да и зачем! Он хотел подняться, но боль в ноге давала знать, так что пришлось остаться на месте. Да и сил уже не было, не то что бы двигаться, даже и говорить не мог.

Язык отказывался ему подчиняться. И когда Трофим, увидев пробежавшую мимо крысу, хотел пригласить к столу и откровенно спросить: уважает ли она его, хозяйина дома, язык отвязывался по-своему, и еле выговаривал: «Эй, ямщик! Наливай, пей со мной!» Тут он погрузился в глубокий сон. Жена, вернувшись с работы, поставила самовар, вытащила ухватом чугунок из печи с наваристыми щами, накрывая на стол, посматривала на дверь. «Где это мой-то запропастился? Уже поздно. Обычно в это время всегда уже дома». Варвара подождала еще немного и села ужинать одна. Но вдруг раздался непонятный вопль: «Вар! Вар! ОХ! ОХ! УХ!» У хозяйки ложка выпала из рук. Глаза округлились. Она осмотрелась по сторонам. Никого! Господи, да что же это? И вновь еще пуше завывание: «У... ОХ... ОХ... Аха.. У..» «Господи, спаси и помоги!» Варвара, причитая, подбежала к оброзам и во весь голос стала просить у Бога прощения и каяться, перечисляя все свои грехи и со слезами просить защиты от нечистой силы. В это время воющий от боли Трофим, сидящий в погребе, говорить был ещё не в состоянии, только грозил кулаком своей супружнице и подсчитывал её грехи на пальцах. Его

вой устрашающим эхом пронёсился по избе. Варвара вспомнила про святую воду, стоявшую за иконой. Она открыла пузырек и освятила все углы дома святой водой крест на крест, приговаривая: «Уйди, нечистая, сгинь! Покинь наш дом! Господи, спаси, сохрани и помилуй!» Вой пуще прежнего усиливался и навёл ужас, даже пламя в лампаде как-то подпрыгивало. И вдруг, под половицами раздался стук, стон! Женщина выбежала из дома, чтобы позвать соседей. Те слушали её и недоверчиво улыбались, но баба-то, вроде трезвая, но такую чушь несёт. «Ну, пойдёмте, помогите, милые мои соседи, ведь ко мне в подпол сам нечистый пожаловал и так уж завывает, что даже в ближних дворах собаки приутихли, попрятались». Соседи, согласившись, пошли во двор Варвары. И тут они услышали такое рывканье с подвыванием, ясно, что не человечьё!

«Ты, хозяйюшка, погоди, я за ружьем сбегаяю», - сказал Егор. «А ты, Николай, вилы возьми, что поболее, а вы бабы кресты возьмите, да воды святой, может его и пуля-то не возьмет, так мы его крестом!» Вооружились ружьем и вилами, а бабы, как и было велено, крестами и святой водицей... «Но, робяты! С Богом!», ринулись в избу, как в бой. Егор ухватом, подхватив за кольцо крышку подвала, резко открыл её и приказал нечистому: «Выходи!» Как только открыли погреб, изба наполнилась бражным духом! А за этим духом выползал и нечистый, замученный дух. Бабы перекрестились и шарахнулись в стороны, затем, опомнившись, стали поливать его водой и крестить крестами. Мужики тоже кинулись с вилами, но застыли на месте. Така нечисть и во сне не приснится! Среди волос на голове присохшие грузди и волнушки, уже прижились, как у себя дома, лицо было в земле и прицепившихся длинных ростках картошки. «Ты кто таков? Признавайся?» -

заорал осмелевший Николай.

- «Так-так это же я, Тро-фим!» «Трофим, это ты?» - проговорили все почти в один голос. «А кто же еще!»... И что же тут началось! Варвара огрела его пару раз ухватом, да так, что он опять свалился в погреб. А уж посмеялись, так уж до слез. И по поводу изгнания нечистого из деревни, за возвращение Трофима, устроили пиршество всей деревней. Он же восседал на почётном месте и даже где-то гордился. Только не давала ему покоя мысль, сколько же пальцев он загнул сидя в подвале, когда его разлюбезная перед образами перечисляла свои грехи. А знаете, что вам скажу: «Не зря говорят: русская душа загадочна, как и сама Русь!»

Непрошенные помощники

Вот и суббота. А значит - на дачу. Михаил Иванович собрал в пакет нехитрый обед: несколько вареных картошин, немного соленого сала, да еще тормозок с крепким чаем и направился на остановку.

Людей было уже много, все знакомые. Настроение было прекрасное. Подъезжавший автобус, как всегда, брали штурмом, давя друг друга и выкрикивая кто - кого громче, на многоязычном наречии.

Иванович заходил спокойно последний и занимал свое место. Дачники восседали на своих местах уже довольные и бурно беседующие. «Иванович, а Иванович, - раздался басистый голос пышной женщины, походившей на купчиху, - как у тебя картофель-то уродился, поди крупный, хороший урожай возьмешь?» «Да? Мешков десять соберу. Это уж точно!» Доехали быстро. Все разбрелись в свои стороны. Михаил шел спокойной, развалистой походкой. В одной руке он нес сумку с пустыми мешками, а в другой - обед. «Вот мой переулочек! - подумал Михаил Иванович, - только не пойму, почему у калитки машина стоит? Может это не моя дача? Да нет, вот и заборчик сам же ставил, да и дачка моя. Наверное, племянники приехали в гости, я был еще на дежурстве, так они сразу сюда маханули. Молодцы, сообразили!» И так рассуждая, он открыл калитку и остановился, всматриваясь в незнакомые, тучные фигуры. Это были два мордастых здоровяка. Они ловко выкапывали картофель и заполняли мешки. У Иваныча даже голос пропал от увиденного. Он подошел поближе и прохрипел: «Бог в помощь!» Работнички резко повернулись, осматриваясь по сторонам и тут один, что был пониже, но весь круглый, заорал: «Что стоишь, зеньки выпучил? Как

пугало, да еще и голос пропил. Чего шляешься зря, бери лопату, помогай урожай собирать! Ты понял, а?» «Понял, понял, ребятки. Сейчас». И Иванович стал помогать собирать свой собственный урожай. Мысли роились в голове, перебивая одна другую: «Что ж делать-то? Бред какой-то».

В это время опять заорал круглый: «Ты что, батяня, работать разучился? Ложкой поди лучше получается? Давай шустрее пошевеливайся!»

«Господи, чтоб придумать? Меня ж всегда смекалка выручала», - размышлял Михаил. Ага! Придумал! «Ой, ой, ребята, что-то худо мне, как бы тут не окочуриться». «Ты что, дед, не дури. Этого еще нам не хватало! Братан!», - обратился толстяк к еще более здоровому, похожему на беременную гориллу, - «Отсыпь этому бичу ведро картошечки, отбатрачил! Да пусть дергает! Пошел вон» - заорали они в один голос. «Шляются здесь разные по дачам!» Иваныч побежал на полусогнутых, как-бы прячась, вспоминая самые крепкие слова по матушке. «Ну, я вам сейчас бесовы души, Ну, погодите!» Он быстренько добежал до домика, где жил его закадычный дружок. «Петро! Петро! Петро! Иди сюда скорее. Да побыстрее, ты ж мой, дорогой товарищ. Выручай! Век самогоном поить буду!» Григорьевич смотрел на дружка. «Да ты отдышись, да толком все объясни! Что стряслось-то?» Михаил торопясь, как смог, рассказал. «Ну и что делать-то будем?»

«Да...! Их этаких буйволов голыми руками не взять», - рассуждал Петро. «Верно мыслишь, мой дорогой, не взять, не взять! А у тебя ж было охотничье ружжо, а Петрусь?» «Это-то есть, то есть, но...» «Да ты не бо-ись! Мы его крупной солью снарядим, что у тебя для засолки рыбы есть!» «А и то верно! Ну, Мишка, была не была!» Они

быстро соорудили солевые патрончики. «Ну, друг, с Богом! Да, надо взять что-нибудь острое, что-бы колеса проткнуть. Хотя - бы гвоздь». По-тихоньку они подошли к даче Михаила.

«Давай колеса протыкивай, да осторожнее. Ну что там?» «Все готово!» И тут их заметил толстый. Он был весь вспотевший, с красными и злыми глазами. И вновь завопил: «Ты посмотри на этого наглого старикана! Мы ему целое ведро картофеля отсыпали, так он еще и дружка приволок попрошайничать! О дает!» И тут Петро из-за спины ловко разворачивает ружье и, целясь в гориллообразного, командовал: «Руки вверх, паскуды! Еси мать, сучии дети». «Ты что дедуль, не балуй», - взмолился кругляк.

«Молчать! Стреляю первый предупредительный». Выстрел был внушительный, так как, действительно, первый патрон был пороховой. И этот запах контузил мысли работничков. «Эй, вы, хряки-крысовидные, скидай портки! Считаю до трех. Счет пошел! Раз...». Брюхатые, обливаясь потом то холодным, то горячим, наперегонки оголялись. «Все скидай, все! И исподнее тоже. Паршивое гнидьё, ишь как откормились-то!» Мордастые стояли в чем мама родила. Петро целился то в одного, то в другого. «А теперь до остановки поросычьим голопом, бегом! Я что сказал, отродье бесово! Бегом!»

И пара гладкобрюхих туш рванула с гулким топотом. «Хорошие мишени, не промахнешься» - приговаривал Петро и выпустил один за другим два солевых пыжа, которые молниеносно достигли своей цели, и смачно впились во внушительные зады. Крупно-калиберная соль! Раздался вопль, да такой, как будто действительно подстрелили кабанов на охоте. Даже где-то стало, окаянных, жалко. Те же, добежавши до первой лужи,

рухнули отмачивать свои ягодицы. Перевалявшись в этой грязи, они мало чем отличались от боровов. Еще долго слышался удалявшийся топот, сопровождавшийся подскуливанием. «Петр, ты не сильно шибко зады паршивцам попортил-то?». «Ничего, заштопают, зато памятка будет. И детям закажут». «Знаешь, Петро, а я еще утром подумал: «Странный сон приснился про свиней». Надо же сон-то в руку».

«Да... Михаил, а Михаил! А кто это недавно обещал меня до окончания века самогончиком поить? А?» Друзья рассмеялись, присели на травке, возле забора и закурили. Они еще долго разговаривали, вспоминали молодые годы.

И на душе было не объяснимо светло. И правда, ведь каждому человеку необходимо, чтоб в трудную минуту жизни был бы рядом надежный друг.

Горе - путешественник

Потревожил сон Валерия Петровича ослепляющий луч, направленный прямо в лицо. Глаза еще не могли освободиться от тяжести повиснувших век, но мысль молниеносно ударила в висок: «Менты! Нашли паразиты!». Он попытался вскочить, но тело, принявшее улиткообразную форму, которая отпечаталась за ночь от его ложа, позволяло только подпрыгивать на трех конечностях, т.е. нога, рука и подбородок. Наконец-то его затуманенные очи узрели Божий свет. И тут его помятую, неопределенного цвета физиономию, посетила умиленная улыбка:

«Да это просто солнечный луч! Ух, браток! Напугал ты меня». Вдруг Валерий услышал истошно подвывающий звук. Петрович направил весь слух в правое ухо, так как в левом еще продолжался гул от удара обо что-то тяжелое. Но возмущенный его желудок завопил еще громче, да на все лады, вырисовывая выпад танго кишок. Наш герой вылез из-под перрона, где был обоснован его ночлег и присел на скамеечку. Задумался! Надо же! Всего неделю назад был дома в своем уютном городишке - Цимлянск. По душе у Валерия пробегала щемящая тоска. В теплой квартире, да с любимой женошкой Аннушкой.

И тут он вспомнил наваристый мясной борщ и духовитые, пышные пирожки. От этой мысли стало так худо и он прослезился от избытка всего представленного явства. «Да...», - протяжно вздохнул наш путешественник.

«- Поди моя разлюбезная надеется, что я уже на вахте - тружусь. Даже перед отъездом напутственные дорогие сердцу слова произнесла: «- Смотри! Мерзавец! Хоть на этот раз доберись нормально». Сглазила! Ей Богу сглазила».

До Москвы-то мы доехали целые и почти невредимые, поездом, а вот дальше до Камчатки надобно было самолетом. Чтоб его окаянного! До рейса оставалось шесть часов, они с другом Николаем решили полюбоваться красотами матушки-столицы!

Но сначала зашли в кабачок под названием «Зайди, не пожалеешь».

Да... Какие девочки! Музыка вся такая, ух бес её, растакая! И коньяк! Помнится, что на бутылке много звездочек было. И удивительно, что нас принимали и улыбались как родным. Хорошо - хорошо.

А вот как выходили, вспоминается с трудом. Николай рассеялся в тумане, вероятно и ныне там пребывает. Валеркин же кошелек до такой степени, вероятно, похудел, что он его найти не смог. И так, Валерий остался без денег, без тёплой одежды. А было, я вам скажу - не жарко. Октябрь ведь на дворе. Но мир не без добрых людей. Нашлись собратья по несчастью и подсказали, где можно устроится на ночь от холода и дождя. А дежурный по вокзалу, дай ему Бог добрую пищу, дал Валерию конверт и лист бумаги. И написал он своей Аннушке Письмо-SOS! «Спаси мою душу, родная, пошли денег на обратный путь до дому, по адресу: Москва, Ярославский вокзал, Сидорову В.П. мужу. Жду».

Теперь вот живет в ожидании. Воспоминания прервал ошеломляющий, все затмивший объект! Не может быть! Недалеко от скамейки лежал большущий сухарь черного хлеба. Неудачник судьбинушки был готов прыгнуть и схватить его. Но в это время объявили посадку. Лавина пассажиров ринулась к вагонам. Сердце выскакивало от переживания и нетерпения. Петрович размахивал руками,

как-бы помогая толпе проходить побыстрее. Люди рассеялись, но вновь неудача. Появился беспардонный воробей со своими родственниками и они нахальным образом принялись истреблять его добычу. Конечно, он мог бы подбежать и схватить желаемый кусок, да заметил, что за ним наблюдают из окон вагона.

Что делать? И вот пришла мысль. Он наклонился и стал мяукать, изображая кота, чтоб вспугнуть непрошенных ворышек. Его мяуканье так напоминало рычание голодного тигра, что в джунглях приняли бы за своего. Но воробьи не обращали внимания и продолжали наслаждаться обедом и даже подпискивали, как-бы издеваясь.

Но голод, потерявший терпение, съел все тело Валерия, и под команду: «Фас», бросил его в прыжок. Свершилось! Хлеб в руках. Не помня себя, он вмиг оказался далеко от вокзала, на поляне под березой. Разломил черствую черняшечку, смачивая слезами стыда и боли, утешал все заглушающий желудок. Он растянул этот сухарь на три дня, подключая в рацион промерзшую зелень, которую еще можно было отыскать.

А вскоре пришел долгожданный перевод от жenuшки.

«- Какой же доброты и терпения ты у меня дорогая!»

Он еще раз прочел денежный перевод, увидел внизу приписку: «Москва, вокзал. Мерзавцу. Домой не пушу.»

Содержание

Встревоженный рай	3
Сгораю любя	4
Если любишь, люби!	6
Весна	8
Голубь	8
Взгляд и вечность	9
Крылатый вальс	10
Осень	12
«Ты искорка - мой огонёк...»	12
Русь моя	13
«Несущиеся, ломанные мысли...»	13
Сербиянка	14
С 8 Марта	16
«Горю, как вечно юная любовь...»	16
Моя судьба	17
Вороной	17
Я так же непокорной буду!	18
«Мой стих о Родине поет...»	18
Да никогда я не поверю	19
«Волнуюсь, каждый раз волнуясь...»	19
Только ты	20
Я приду	21
Жизнь без тебя	23
Давай с тобою помолчим	24
«Что делать...»	24
Обижена моя любовь	25
Замерзаю, родной	25
Зорюшка	26
А.Неумывакину	26
Моим подругам	27

«За страсть, пьянящую так кровь...»	28
«Убожество уродливой души...»	29
«Облака...»	29
«Как беспрутный свет печали...»	29
Воли	30
Созрела милая природа	32
«Шумит, ласкающий прибой...»	32
«К твоим устам...»	33
«Ветер шалый...»	33
«Художник пусть на миг устанет...»	33
Я солнцем улыбнусь тебе	34
«В день расставанья подарил...»	35
«То ли сердце твоё отлюбило...»	35
Волгодонску	36
«Ах, как легко...»	37
«Внезапным жаром...»	37
«Ты видел, как дышит море...»	37
Природа – мы все твои дети	38
Беяна	41
Когда спят петухи	44
Погребок	48
Непрошенные помощники	52
Горе - путешественник	56

Благодарю Бога и судьбу за то, что свели меня с замечательными людьми, такими как Неумывакин Александр Леонтьевич - художником, поэтом, гражданином (в высоком понятии смысла этого слова). Людмила Сергеевна Сухорукова - художник от Бога. Ни одна презентация наших поэтов не обходится без картин и рисунков Людмилы Сергеевны. Это её непрерывные линии нитевидной графики создали удивительный храм любви и красоты на страницах этой книги.

Редактировала книгу поэт Шимко Ирина Леонидовна - детские стихи которой любят не только дети.

С любовью, уважением
и благодарностью
Тамара Пушкина

Редактор-корректор - Шимко Ирина
Художник - Сухорукова Людмила
Творческая группа - ООО «БИОДОМ»
Технический редактор - Волкова Ирина